

© 1997 г., ЭО, № 3

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ М.Л. БУТОВСКОЙ, А.Г. КОЗИНЦЕВА «О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЮМОРА»

Статья А.Г. Козинцева и М.Л. Бутовской «О происхождении юмора» была опубликована в журнале «Этнографическое обозрение», 1966, № 1. Там же помещен полемический отклик Я.В. Чеснова «Герменевтический подход к происхождению смеха» (далее – ссылки на страницы этих публикаций). В настоящем номере журнала – продолжение дискуссии и ответ авторов обсуждаемой статьи.

* * *

Считая в значительной мере верным предлагаемое А.Г. Козинцевым и М.Л. Бутовской определение смеха как выражения удовольствия от антиповедения, я все же не вполне убежден, что природу смеха оно исчерпывает целиком. Само предположение о будущем исчезновении юмора предвидит благоприятный сценарий развития человечества: смех нужен тем менее, чем общество благополучнее и свободнее. Похоже, что в смехе всегда есть элементы антиповедения, но насколько бескорыстного и кощунственного ли? Вряд ли можно утверждать, что демократии менее прочно укоренены в общественном сознании, чем тоталитарные системы, однако смех вызывают именно последние – не потому, что они признаются за норму, а потому, что страшные. Если дело только в нарушении нормы и подвергании себя риску, то почему смех вызывает не простое поношение диктатора или ягуара, а включение соответствующих образов в контекст определенных сюжетов? Не есть ли смех прежде всего инструмент преобразования воспоминаний о пережитом страхе или унижении в положительные эмоции? Именно воспоминаний, ибо никто не смеялся при солнечном затмении, встрече с хищником или аресте – это могло происходить позже.

В мифах смеются не только над трикстером. Две группы мифологических текстов, в которых смех играет сюжетообразующую роль, описывают ситуации катастроф – индивидуальных или глобальных. В ходе их лишь антиповедение и смех приводят к спасению: во-первых, речь идет о встрече слабого животного с сильным и агрессивным (сильное представлено идиотом); во-вторых, повествуется о похищении солнца, огня, плодородия и т.п. или о появлении опасного существа, готового применить сверхоружие. Единственный способ вернуть ценности или нейтрализовать оружие – развеселить того, от кого исходит угроза, а способ – непристойный танец с элементами скатологии (либо соответствующие высказывания, спаивание персонажа, предложение ему женщин, музыка и пение и т.п.). Известные примеры – истории Деметры, Аматарасу, а также множество индейских мифов, где злодеем может быть, между прочим, Иисус или Римский Папа. Формально антиповедение во всех этих случаях налицо, но по сути лишь оно ведет к спасению, т.е. небескорыстно, рационально и тем самым как бы уже и не «анти».

И еще вопрос: насколько универсальны проявления смеховой культуры? Почему, например, в одних ареалах (большая часть Северной Америки, Чако и юг Центральных Анд) образ трикстера и его аналоги в ритуале занимают несоизмеримо более важное место, чем в других (большая часть Южной и Центральной Америки)?

Ю.Е. Березкин

С удовольствием прочитал статью А.Г. Козинцева и М.Л. Бутовской «О происхождении юмора». За долгий срок, как это бывает нечасто, А.Г. Козинцев не потерял интереса к изучаемому вопросу, не привык к нему, не остыл и не почувствовал себя непререкаемым монополистом. Вот почему его выводы убеждают (меня). Концепция, вобравшая лучшее, что было сказано о природе юмора, удачно объясняет необъяснимое, примиряет непримиримое и, главное, открывает путь для новых разысканий. Чего еще ждать от концепции: не вечной же истины? И приматы, оказывается, веселятся, как фольклорный зять, который мимо тещино дома без шуток не ходит: у него их две, а у обезьян вроде бы три.

Несколько придилок. Открывающее статью определение: «Смех есть выражение удовольствия... при реализации... безотчетной и бескорыстной потребности...» (с. 49) – кажется слишком прекраснотдушным. Так ли уж бескорыстно утоление наших безотчетных потребностей: голода, любви, инстинкта свободы, наконец? А как сужается при этом понятие смеха! Где смех, выражающий разочарование, неловкость, страх? Каковы бы ни были ответы на эти безответственные вопросы, они (вопросы/ответы), наверное, не должны возникать при чтении первой же фразы, к тому же являющейся определением. Видимо, речь идет не о смехе, а о внешней реакции на изменение или нарушение правил. Ведь в этнических культурах редко действует одна система: обычно их несколько, и, нарушая правила одной, мы вольно или невольно подпадаем под правила другой или других. Поэтому не бескорыстие, не а-моральность смеха, а вне-корыстие и пара-моральность (если все «до фени» ты – вне). Да, теоретически число правил конечно, а способы их нарушения бесконечны, но в реальности и системам правил тоже нет конца.

«Смех же по своей сути несовместим ни с какой серьезностью...» (с. 49). А никогда не смеявшийся, но смешной мастер Бастер Китон? А смех обманутого, безумного, палача? Так юмор подшучивает над нами: думаем о происхождении юмора, а говорим об одном из видов смеха, об улыбке, игре, иронии, гротеске, пародии, пасквиле, гиньоле, сатире. Кстати, плодотворность, эвристичность положений Козинцева и Бутовской легко продемонстрировать на материалах арабского фольклора и поэзии, но сейчас речь о другом: о том, что названный дискурс провоцирует нас на подмену понятий. Слои снимаются один за другим, а в середине пусто.

Очень хороша схема стадий культурной и трикстерской ипостаси: от действия без модели – к модели без действия и – к исчезновению юмора. «Возникает новый тип людей, – заключают исследователи, – умных, свободных, прекрасно понимающих юмор, но не нуждающихся в нем и потому не смеющихся. Что будет дальше – не ведомо никому» (с. 52). Все так. Но если написать упомянутую схему не в квадрат, а в окружность, то становится ясно, что за исчезновением юмора следует новая стадия – его возрождение. Ведь никакая рационализация не отменит болезни, смерть, удары судьбы. А значит, в жизни всегда найдется место если не юмору, то самоиронии как достойной форме мужественного поведения.

М.А. Родионов